

УДК УДК [303.423.4+929.5][1-21]
DOI: 10.48164/2713-301X_2021_3_52

Л.В. Немцев

Самара
Самарский государственный институт культуры
nemtsev_nemtsev@mail.ru

ГЕНЕАЛОГИЯ ГОРОДА В СВЕТЕ ИДЕИ «СЕРЕДИНЫ»

Статья посвящена проблеме происхождения города в свете культурного наполнения городского пространства. Средневековый город изначально не создает свою уникальную культуру, а созидает себя в пародийном отталкивании от изначальных культурных традиций: аристократической, религиозной и крестьянской. Город сталкивается с ведущими культурами, но постоянно выходит из-под их влияния, не создавая собственного духовного центра. Своеобразное понимание идеи «середины» в городской среде отличается от мысли Аристотеля. Это ведет к релятивизму и процветанию основного тона городской культуры – хамства.

Ключевые слова: город, культурный центр, аристократия, религия, секуляризация, крестьянство, трикстер, середина, хамство, пошлость.

Возникновение городской культуры – «нашей», современной – следует отсчитывать с X–XIII веков [1]. До этого были города-государства, центр которых не переезжал в столицу, не рассеивался в степи, не исчезал из сознания.

Но современный город стал представлять собой социум, изолированный от внешнего мира, он предстал как самопроизвольное устройство, не связанное с законами вселенной. Где же у него был центр?

Городская культура – это состояние духовной стагнации (что как раз соответствует идее комфорта). На языке экономики стагнацией называют остановку в обесценивании, а также застой в производстве и торговле, в фольклористике – это смерть без возрождения, плохо окончившаяся или незавершенная инициация; смерть, которая сохраняет статус «временной», но ставшая бессрочной.

Почти всё, что мы понимаем сейчас под «нашей культурой» относится к культуре города. Все нелепости, недоразумения и противоречия нашей культуры связаны с историей становления и развития городов.

В эпоху раннего Средневековья произошло отделение ремесла от сельского хозяйства, и стали складываться города-нуклеусы. Главный процесс – это абстрагирование городского мира от других форм культуры: феодальной, религиозной и крестьянской. Собственно, только эти формы культуры и можно называть «культурой» [2].

Рыцари по большей части являлись грубой и необузданной военной силой. Разбой и жестокость. Эта среда продолжала жить по языческому закону охотничьего общества довольно долго, так что религиозной власти всегда приходилось учитывать свободу феодалов и стараться договориться с ними. С точки зрения города феодалы представляют собой только высокомерие и грубость и, разумеется, становятся комичными персонажами в городской литературе.

Религиозная культура была наиболее закрытой, и она практически мало соприкасалась с городской жизнью. Наиболее интенсивная научная деятельность велась на латинском языке и концентрировалась в крупных монастырях – всё это делало духовный опыт недостаточно

доступным для городских жителей, которые могли только выходить из своей среды в область научного воспитания, и это приводило к тому, что обратно в городскую среду вернуться было сложно. С XVI в. начинается демократизация образования, но, чтобы образованный человек буквально перестал быть востребованным и оказался на улице, понадобилось ещё четыре века (см. поэму «Москва – Петушки» [3]).

Смеяться над церковниками и видеть в них преграду на пути прогресса начинается именно город. Религия всегда строится на чувстве равновесия, она помогает вернуть смысл жизни, подсказывает, как приспособиться к изменчивым обстоятельствам (это смог убедительно показать М. Вебер в своем труде о городе [4, с. 112]). Для этого церковь развивала и оттачивала множество передовых научных идей: от пороха до социологии. Религия иногда запускает самые радикальные механизмы социальных перемен, лишь бы не мириться с отчуждением и разочарованием в жизни. И только городская культура начинает ссылаться на саму себя как на детерминацию окончательной конформности и бессмысленности существования. Город стоит именно на том, что у него нет цели, нет телеологического выбора.

Крестьянский мир был миром древней целостности. Он хранил самые проверенные знания и незаменимый опыт. Крестьянство, которое было основано на ценностях земледельческого общества, – мир типично религиозный, несмотря на множество черт языческого характера. Тут важно не полное освобождение от черт, обозначающих происхождение культуры, а их упорядоченность, подчинение высшей цели [2, с. 65].

Именно с крестьянства городская культура начинает свою экспансию. Город чувствует себя неуверенно, он никогда не понимает, какая тарелка чья, и в какой тебе место. Город начинает заглядывать и наведываться в чужие тарелки, сохраняя призрак собственной состоятельности.

Городская культура сразу начинается с фаблю и шванок. С издевающегося и плутоватого анекдота. Основная тема: крестьянин приезжает в город (купить осла, продать корову и т. д.) и попадает в лапы мошенников [5; 6]. Тема комична, как может быть комична любая фигура несоответствия: человек в нетипичных обстоятельствах. Непосвященный в условия чуждого ему мира становится смешон, если создатели правил не торопятся в них посвящать. Именно это выдает в городской культуре изначальный комплекс неполноценности. Смеяться над крестьянином стало модно, потому что моду задавал город, а наивный и любознательный крестьянин никогда не успевал ни за сменой нарядов, ни за переменной в манерах. На этом держится древний миф о том, что москвич легко выделяет в толпе приезжего. Но у приезжего на лице написано, что он переживает что-то интересное, тогда как на лице москвича давно уже не пишется ничего внятного. Четко очерченные эмоции, как и мировоззренческие позиции, «ограничивают» личность. Увлекая в филигранную зашифрованность своего мира, столичный житель заставляет забыть, что культура, как и содержание, как и личность, проявляют себя в ограничениях и определенности.

Всё указывает на то, что город служил как бы предкультурной средой, это место, в котором человек получал опыт самого широкого, поверхностного и неглубокого воспитания, грубого и расщепленного опыта, и – при условии стремления к целостности – человек мог выйти из этой среды и никогда в нее не вернуться.

Простак, выйдя за пределы своего привычного мира, вечно натывается на опытного мошенника. Но городская среда всегда держится на том, что в ней всё непривычно, рамки и правила поведения всегда слишком условны. Город не воспитывает, а отчитывает за неосведомлённость (и мы всю жизнь видим это в поведении школьных учительниц, кондукторов и вахтёров). В «Декамероне» мы не сразу заметим, что издеваются

над крестьянами в основном городские воровы и проститутки. Линия развития такой новеллы очень узнаваема и плавно переходит в «Невский проспект» Гоголя [7], где случайная ошибка выглядит как мировоззренческая катастрофа. Ведь Невский проспект – это уже самый центр.

Что поделывать, жить в условиях быстрого изменения правил не сладко. Проигрывает нерасторопный. Город – это постоянная игра с одним недостающим стулом или с обнесением угощениями. Важно успеть. В городе царит удача, которая жестоко насмехается над неудачниками. Быть уверенным в себе, стать степенным, решить на секунду, что ты знаешь, как устроен мир и можешь пройти по нему с закрытыми глазами, – и ты уже без стула. И без успеха. И без шинели.

Город волей-неволей учит выживанию, а не покою. Он должен походить на барабан с фишками для лото. Все приметы вечности в городе избыточны и временны. «Неужели это скоро исчезнет?» – спрашиваем мы каждый день по поводу зданий всего лишь столетней давности.

В городе комфортно трикстерам – уленшигелям и панургам. Болтуны и деятельные бездельники, они вечно ищут повод для издевательского смеха и легко создают панику ради новой возможности самозабвенно посмеяться. Такому герою нужен простор для непрекращающегося карнавала, потому что он не способен включиться в созидательный процесс. Не способен войти в какую-либо культуру.

Отправляясь в путешествие, трикстеры постоянно извлекают поучительные уроки, которые могли бы преподавать в городе. Мир чужой мудрости, безусловно, может им открыться, и тогда «наш» мир предстаёт во всей своей нелепости. Таковы путешествия Гулливера [8] или явление янки из Коннектикута при дворе короля Артура [9].

Трепетнее всего город соблюдает идею свободы. Древняя французская поговорка гласит: «Сам воздух города делает свободным». Речь идет не о спец-

ифическом собрании запахов города (так ярко представленных в «Парфюмере» Зюскинда [10]) – запахов общества хаотичного, не ведающего представлений о гигиене и ответственности за порядок жилого пространства (именно в средневековом городе человек перестает воспринимать улицу как «свое» пространство). Речь идет о духе, образе жизни города. Горожане становятся наиболее активной массой, которую трудно было держать в повиновении. Именно в городской среде рождались бунтарские, сатирические, пародийные произведения. В городской шутке часто звучит не добродушная веселость и не стремление к справедливости, а низкая зависть и мрачная озлобленность. Но нельзя забывать, что именно городской культуре становится свойственно нудное и отвлеченное от практического опыта морализаторство, покоящееся на самолюбовании и идее удачно сложившейся судьбы. Хотя на деле это всего лишь «дом в центре города».

В процессе притока в город представителей других культур – разорившихся феодалов, солдат, недоучившихся клириков, крестьян – в городской культуре появилось хамство – неприятие ведущих культурных тенденций. Появляется средняя – укрытая от высшей и низшей культуры – ниша. Городская культура была основана на компромиссе между возможными точками зрения, что в итоге вызвало несогласие с любой из них. В этом смысле стоит говорить не о том, что Шариков естественно вписывается именно в городской пейзаж, а о том, что город и создал Шарикова [11].

Хамство – это не результат невоспитанности, не поверхностная тенденция поведения, а выражение мучительного и сложного самосознания горожанина. В хамстве больше всего себя проявляет потерянная и зависть по отношению к любой форме целостности. Центр, с точки зрения хама, постоянно ускользает, он вечно недостижим.

Наиболее известные примеры свободы, как её понимал городской

житель: в лучшем случае – городской карнавал, в худшем – поведение солдат, захвативших город. В городской среде не могло возникнуть представлений о том, что вовлеченность клирика в религию является для него формой свободного выбора, как и для аристократа – выполнение его обязанностей (гражданское и военное управление). Свобода для носителей культуры – это свобода кем-то быть, освобождение своей идентичности от всего постороннего (в образе жизни, поведении, обязанностях). Свобода для города – отсутствие культуры, избавление от каких-либо обязательств. И если карнавал был выражением недоверия к святому в условиях праздника, то пошлость становится формой памяти о таком недоверии вне карнавала, вне культурной ситуации.

Горожанин начинает мыслить как солипсист. Хорошее не отделяется от плохого. Человек думает, что его релятивизм – это защита от житейских невзгод, основа выживания.

Идея свободы в городе – это прежде всего отстаивание права на изменчивость, свободы от высших обязанностей, от стабильной ответственности в главном. Свободный горожанин, отказавшийся от звания «плебея», как и от любых других, никогда не откажется от чувства «середины».

Идея «середины» ведет своё начало от трудов древнегреческих философов, которых читали и изучали церковные клирики, но потом эти знания стали элементом секуляризованной городской среды. Аристотель описывает хорошее зрение как «добродетель глаза» [12]. Он утверждает, что добродетель всегда выбирает между избытком и недостатком, стремится к середине.

Городская пошлость во всём соблюдает совсем другую середину, т. е. – продолжая образ – фокусирует взор не на самом предмете, а на расстоянии между глазом и предметом. Где ещё могла возникнуть пословица «слишком хорошо – тоже нехорошо», кроме как в городе? Нехорошее – это и слишком разви-

тый ум, и излишне проявленное добро. Городская культура негативно относится к любому явному поступку, он высмеивается, он ставится под сомнение. Только в условиях городской среды, отвлеченной от главных культурных ценностей, процветают законы пошлости.

Со времен Средневековья появляется представление об особой мере человека: нельзя быть ниже этой меры, но, что самое интересное, и выше тоже. До сих пор бытует такая убежденность, что плохо человеку быть «слишком умным» или «слишком благочестивым» (после слова «слишком» подставить можно что угодно – всё будет подано с негативным оттенком). Изначально эта формула построена на том, что плохо быть слишком кем-то. Это незачем по отношению к остальным, кто никем быть не готов. На элементе «слишком» строится типично городской юмор: врач с эспаньолкой, в очках, в халате имеет вид врача, он слишком выглядит как врач и тем самым становится комической фигурой. Уравнивание человека идет не от идеи социализма, а из средневековых городов. Как будто можно быть слишком умным, будто здесь есть ограничительная мера. Не случайно так прижилась в католицизме идея Чистилища – место, куда надеется попасть большая часть человечества. Спрашивается, а почему не в рай? В рай как-то не принято. Поступки, которые обличают в человеке стремление к раю, могут стать предметом насмешки. Это же «слишком» завышенное стремление, оно выходит за границу дозволенного в массовом сознании.

Удивительно, как – по большей части интуитивно – Гоголь пересказывает сюжет древней сказки в «Вие», где действие отнесено в дальние времена, в эпоху Возрождения. Герой не знает, как вести себя, какие предпринимать поступки. Он руководствуется случайными знаниями, из которых все не требуют становления личности, твердости выбора, собственно поступка. Он погибает не от дьявольской силы Вия, а от страха, от потерянности, от утраты спа-

сительных ценностей. И самое главное, от потери осознания того, что он в себе должен спасти. Хома Брут принимает все навязанные ему условия, а затеянная смертельная игра с нечистью предполагает его поражение и гибель [13].

Нет ничего более трудного и опасного, чем чувствовать столицу в себе: быть слишком собой, внести определенность,

взять за что-то ответственность, выбрать не удачу, а счастье, не участвовать в стихийных играх, в которых постоянно меняются правила.

И это состояние не вычисляется при помощи линейки и среднестатистических формул. Но, с точки зрения типичного горожанина, это и есть форма безумия.

Список литературы

1. Кокс Х. Мирской град: Секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. Москва: Восточная лит., 1995. 263 с.
2. Хейзинга Й. Осень Средневековья / пер. Д. В. Сильвестрова. Санкт-Петербург: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 768 с.
3. Ерофеев В. Москва – Петушки: поэма. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 192 с.
4. Вебер М. История хозяйства: Город. Москва: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 576 с.
5. Хлодовский Р.И. Джованни Боккаччо и новеллисты XIV века // История всемирной литературы: в 9 т. Т. 3. Москва: Наука, 1985. С. 77–88.
6. Немецкие шванки и народные книги XVI века: антология. Москва: Худож. лит., 1990. 639 с.
7. Смирнов А.Е. Блестящий променад: по страницам повести Н.В. Гоголя «Невский проспект» // Звезда. 1996. № 3. С. 224–235.
8. Danchin P. Le lecteur anglais d'aujourd'hui peut-il connaitre Gulliver's Travels? // Etudes Anglaises. 1958. XI. P. 97–111.
9. Donald H. Tuck. The Encyclopedia of Science Fiction and Fantasy. Chicago: Advent, 1974. 104 p.
10. Зюскинд П. Парфюмер: История одного убийцы. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2006. 304 с.
11. Тюрин Е.А. Повесть М.А. Булгакова «Собачье сердце». Эдиционно-текстологические проблемы. Москва: Компания Спутник+, 2007. 46 с.
12. Железнов В.Я. Экономическое мировоззрение древних греков. Москва: Либроком, 2012. 257 с.
13. Мадлевская Е.Л. Преодоление страха в русской народной традиции: [На материале мифологических и бытовых рассказов и повести Н. В. Гоголя «Вий»] // Языки страха: женские и мужские стратегии поведения. Санкт-Петербург: Пропповский центр, 2004. С. 109–120.

Сведения об авторе:

Немцев Леонид Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и философии Самарского государственного института культуры

ул. Фрунзе, 167, Самара, 443010
nemtsev_nemtsev@mail.ru

Дата поступления статьи: 15.03.2021

Одобрено: 16.03.2021

Дата публикации: 29.03.2021

Для цитирования:

Немцев Л.В. Генеалогия города в свете идеи «середины» // Сфера культуры. 2021. № 1 (3). С. 52-58. DOI: 10.48164/2713-301X_2021_3_52

УДК УДК [303.423.4+929.5][1-21]

DOI: 10.48164/2713-301X_2021_3_52

L.V. Nemtsev

Samara

Samara State Institute of Culture

nemtsev_nemtsev@mail.ru

THE GENEALOGY OF THE CITY IN LIGHT OF THE IDEA OF THE «MIDDLE»

The article is devoted to the problem of the origin of the city from the point of view of the cultural development of urban space. The Medieval town did not create its own unique culture from the very beginning, but created it through parodic rejections of earlier cultural traditions (aristocratic, religious and peasant ones). The city collides with the leading cultures, but constantly withdraws from their influence

without creating its own spiritual center. The author's special understanding of the idea of the «middle» in urban environment differs from that of Aristotle. It leads to relativism and the flourishing of the main tenor of urban culture – boorishness.

Keywords: city, cultural center, aristocracy, religion, secularization, peasantry, trickster, middle, boorishness, vulgarity.

References

1. Cox, H. (1995) *Mirskoi grad: Sekuliarizatsiia i urbanizatsiia v teologicheskom aspekte* [The Secular City: Secularization and Urbanization in Theological Perspective]. Moscow: Vostochnaia literature. (In Russian).
2. Heisinga, J. [Huizinga Johan] (2011) *Osen' Srednevekov'ia* [The Waning of the Middle Ages]. St. Petersburg: Ivan Limbach. (In Russian).
3. Erofeev, V. (2014) *Moskva – Petushki* [Moscow – Petushki]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus. (In Russian).
4. Weber, M. (2001) *Istoriia khoziaistva: Gorod* [History of the Economy: The City]. Moscow: Canon Press-C, Kuchkovo Pole. (In Russian).
5. Chlodovsky, R.I. (1985) *Dzhovanni Bokkachcho i novellisty XIV veka* [Giovanni Boccaccio and the Novelists of the XIV Century]. Istoriia vseмирnoi literatury [History of World Literature]. T. 3. Moscow: 77–88. (In Russian).
6. *Nemetskie shvanki i narodnye knigi XVI veka: Antologiya* (1990) [German Schwanks and Folk Books of the XVI Century: An Anthology]. Moscow: Khudozhestvennaia literature. (In Russian).
7. Smirnov, A.E. (1996) *Blestiashchii promenad: po stranitsam povesti N.V. Gogolia «Nevskii prospekt»* [Brilliant Promenade: The Pages of N.V. Gogol's Story "Nevskii Prospect"]. *Zvezda*, 3, 224–235. (In Russian).

8. Danchin, P. (1958) Le lecteur anglais d'aujourd'hui peut-il connaitre Gulliver's Travels? *Etudes Anglaises*, XI, 97–111.
9. Donald, H. Tuck. (1974) *The Encyclopedia of Science Fiction and Fantasy*. Chicago: Advent.
10. Suskind, P. (2006) *Parfumer: Istoriiia odnogo ubiitsy* [Perfumer: The Story of a Murderer]. St. Petersburg: ABC-Classic. (In Russian).
11. Tiurina, E.A. (2007) *Povest' M. A. Bulgakova «Sobach'e serdtse». Editsionno-tekstologicheskie problemy* [Bulgakov's Novel "A Dog's Heart": Editing and Textological Problems]. Moscow: Kompaniia Sputnik+. (In Russian).
12. Zheleznov, V.Y. (2012) *Ekonomicheskoe mirovozzrenie drevnikh grekov* [The Economic Worldview of the Ancient Greeks]. Moscow: Librocom. (In Russian).
13. Madlewska, E.L. (2004) *Preodolenie strakha v russkoi narodnoi traditsii (Na materiale mifologicheskikh i bytovykh rasskazov i povesti N. V. Gogolia «Viy»)* [Overcoming Fear in the Russian Popular Tradition: Based on Stories about Mythological and Everyday Life and on Nikolai Gogol's Tale "Vii"]. *Iazyki strakha: zhenskie i muzhskie strategii povedeniia* [Languages of Fear: Women's and Men's Behavioral Strategies]. St. Petersburg: Proppovskii tsentr, 109–120. (In Russian).

About the author:

Leonid V. Nemtsev, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Samara State Institute of Culture

167 Frunze str., Samara, 443010
nemtsev_nemtsev@mail.ru